

Дльба-Маре: свет, рождённый морем

Книга третья

Там, где рождается холод

Дмитрий Иванов

Дмитрий Иванов
Альба-Маре: свет, рождённый
морем. Книга третья -
Там, где рождается холод

*<https://litres.ru/74602007>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Альба-Маре: свет рождённый морем. Книга третья - Там, где рождается холод. Продолжение второй книги - Восточный ветер. Август Фьорд ступает на землю западного севера.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: там, где рождается холод	4
Глава 1. Берег, которого не было	4
Глава 2. Белая пустошь	11
Глава 3. Хейм-Верг	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дмитрий Иванов
Альба-Маре: свет,
рождённый морем.
Книга третья - Там,
где рождается холод

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: там,
где рождается холод

Глава 1. Берег, которого не было

Корабль шёл сквозь туман.

Уже третий день мир за бортом был белым, плотным, почти осязаемым — будто кто-то накиннул на море и небо единое полотно из сырой ваты. Звуки гасли в нём, как в мокрой шерсти: крик чаек становился глухим, словно доносился из-под воды, а шаги матросов по палубе теряли твёрдость, превращаясь в мягкое, неуверенное шарканье. Люди двигались медленно, будто боялись, что их шаги разбудят нечто, спящее под этой белой тишиной, — будто сам туман был не про-

сто погодой, а живым существом, которое прислушивается.

Август стоял на баке, держась за мокрый поручень, и смотрел вперёд, в эту белизну, которая не оставляла ни намёка на горизонт. Он не знал, где кончается море и начинается небо. Не знал, что ждёт впереди. Но знал, что больше не повернёт назад. Это знание не грело, но держало крепче любого каната.

Последние южные ветры остались позади. Ещё вчера воздух был солёным и тёплым, пах солнцем и нагретой древесиной, а сегодня он стал пронзительным, сухим, почти звенящим от холода — будто каждое слово, сказанное здесь, могло разбиться, как тонкий лёд. Август узнал этот холод. Он уже дышал им когда-то — на восточном Севере, где провёл три зимы, когда каждый рассвет казался испытанием, а каждый закат — маленькой победой. Только теперь всё было иначе. Восточный Север был суровым, но живым: там ветер пел, а не шептал угрозы, там скалы хранили тепло дня до самой ночи. А здесь, за завесой тумана, угадывалась земля, о которой он только слышал — земля, где холод не просто погода, а язык, на котором говорит сама природа.

— Завтра увидим берег, — раздался за спиной голос Маттео.

Август не обернулся. Он только кивнул, не отрывая взгляда от белой пустоты, будто если отвести глаза, туман проглотит даже этот хрупкий курс. Маттео подошёл, встал рядом, опершись локтём на планшир. Его плащ был тёмным, почти

чёрным, и на фоне белизны казался куском самой ночи. Они долго молчали.

Два человека, которых жизнь свела в порту давно сгоревшего города, теперь стояли на краю известного мира, и молчание между ними было не от нехватки слов, а от того, что слова здесь звучали бы слишком громко и неуместно.

— Ты готов? — спросил Маттео, не глядя на Августа, а глядя туда же — в туман, будто ответ должен был прийти оттуда.

— Готов, — ответил Август.

И впервые за долгое время это слово прозвучало не как обещание, брошенное в пустоту, не как попытка убедить себя, а как простая, холодная правда, такая же настоящая, как этот ветер.

Вечером он сидел в кубрике, перебирая вещи. Всё было при нём: меч отца в новых ножнах, тёплый плащ с меховым воротником, запас одежды, огниво, котелок, бурдюки для воды. И гитара. Новая, с резным узором волны и ветра, будто мастер вырезал на ней саму дорогу. Она ещё помнила тепло Ал-Шаранских вечеров, ещё звучала по-южному — легко, светло, будто в каждой струне пряталось солнце. Но скоро её дерево узнает другой воздух. Холодный. Плотный. Северный. Такой, что кажется, будто он не просто касается кожи, а пробирается внутрь, проверяя, из чего ты сделан.

Он достал книгу. Тёмно-коричневая кожа обложки была чуть шершавой, словно впитала в себя пыль дорог, а страни-

цы — мягкие, белые, как первый снег. Август открыл её на первой чистой странице, провёл пальцем по гладкой бумаге, чувствуя, как она чуть цепляется за кожу. Потом обмакнул палочку с железным наконечником в чернила — те, что пахли морем и глубиной, будто их добывали со дна океана. И вывел:

«Я иду туда, где рождается холод. Не чтобы найти смерть. Чтобы понять, зачем люди убивают друг друга».

Он закрыл книгу, убрал её в вещмешок, затянул шнурок так, чтобы ни один порыв ветра не смог её выхватить. Лёг, укрылся плащом и закрыл глаза. Корабль мерно покачивался, будто убаюкивал сам себя. Где-то внизу скрипели доски, привычно и спокойно, а за бортом дышало море — глубоко, ровно, как огромное живое существо, которое знало куда больше, чем люди на его спине.

Наутро туман начал редеть. Сначала это были лишь тонкие разрывы, похожие на трещины в льду. Потом из серой пелены проступили тени — тёмные, огромные, едва различимые. Они вырастали из воды, как древние стражи, покрытые снегом и льдом, будто сами скалы решили подняться навстречу кораблю. Потом пришёл бледный, холодный свет, пробивающийся сквозь разрывы, — не тёплый, не золотистый, а такой, что не грел, а лишь позволял видеть. А затем, когда туман рассеялся окончательно, перед ними открылся берег.

Он был чёрным и белым. Чёрные скалы, острые, как сло-

манные зубы, и белый снег, лежащий на них так ровно, будто его не касался ни один ветер. Лыдины, покачивающиеся у кромки воды, словно молчаливые стражи, охраняющие вход. Ни одного дерева. Ни одного дыма. Ни одной пристани. Только камень, снег и лёд — и над всем этим — небо, серое, тяжёлое, будто готовое обрушиться вниз.

Август стоял у борта и смотрел, и холод, который шёл от берега, был не просто температурой — он был присутствием, почти голосом. Земля была не просто чужой. Она была другой. Той, о которой он слышал вполголоса, шёпотом, будто люди боялись произносить её имя громко. Той, куда не ходили торговцы, потому что там нечего было покупать и нечего продавать. Той, где, как говорили, живут те, кто не улыбается чужакам, потому что улыбка здесь считалась роскошью, которую нельзя себе позволить.

Корабль медленно шёл вдоль берега, ища хоть какое-то подобие бухты, хоть малейший намёк на гостеприимство. Команда молчала. Даже чайки, казалось, не кричали здесь — будто их голоса замерзали в воздухе, не успевая родиться. Только ветер, только вода, только пустота, в которой каждый звук становился слишком громким.

— Здесь негде пристать, — тихо сказал Маттео, и его голос прозвучал непривычно громко в этой тишине. — Берег слишком дикий. Слишком честный.

Август долго смотрел на тёмную полосу земли, будто пытался прочесть в ней своё будущее. Потом ответил:

— Значит, это и есть начало.

Он повернулся, взял свои вещи. Надел плащ, затянул ремень так, чтобы он не мешал, но держал крепко. Проверил, как лежит меч — не для того, чтобы обнажить его, а чтобы знать, что он здесь. Взял гитару в чехле, закинул за спину, чувствуя её вес — не тяжесть, а опору. Подошёл к борту.

— Ты не будешь ждать? — спросил Маттео. В его голосе не было упрёка, только тихая забота, которую Август чувствовал кожей.

— Нет, — сказал он спокойно. — Я хочу ступить на эту землю один. Хочу услышать, как она ответит.

Маттео не ответил. Он только смотрел, как Август перелезает через борт, как спускается в лодку, которую уже спустили на воду. Двое матросов взяли за вёсла. Никто не говорил. Слова здесь были лишними, как огонь в ледяной пещере.

Лодка коснулась берега. Август шагнул на снег.

Холод обжёг лёгкие, будто он вдохнул не воздух, а осколки льда. Ветер пронзил плащ, добрался до кожи, до костей, до самого сердца, проверяя: «Ты всё ещё хочешь быть здесь?» Но Август устоял. Он не дрогнул. Не отступил.

Он не обернулся. Только поднял руку — короткий прощальный жест, понятный без слов. Лодка уже уходила, её вёсла чертили на воде тёмные линии, которые тут же смывались волной. Корабль оставался за спиной, становясь частью прошлого, частью того, что можно отпустить.

А перед ним была земля, которая не прощает слабости. Земля, где каждый шаг должен быть осознанным, а каждое дыхание — благодарностью.

Август поправил чехол с гитарой, проверил меч и сделал первый шаг вглубь. Снег чуть хрустнул под сапогом — это был первый звук, который эта земля сказала ему, и он прозвучал как вызов и как приглашение одновременно.

Где-то впереди, за белыми холмами, начинался Западный Север. И он был готов. Не потому что не боялся, а потому что страх стал частью дороги, как ветер — частью моря.

Глава 2. Белая пустошь

Он шёл на север.

Снег был глубоким, но не рыхлым — ветер утрамбовал его за долгие месяцы, превратив в плотный наст, который держал вес, но иногда проваливался под ногами с громким хрустом, будто земля под ним ломалась. Каждый такой провал заставлял врасплох: нога уходила вниз, холодное белое крошилось до колена, и приходилось вытаскивать ступню, чувствуя, как снег набивается за голенище, тает от тепла тела и тут же превращается в ледяную воду, которая стекала к пальцам. Август шёл по этой белой земле, оставляя за спиной цепочку следов — ровных, мерных, — и с каждым шагом чувствовал, как холод проникает глубже. Не в тело — тело было закалённым, помнило три зимы на восточном Севере, знало, как держать тепло, как не отдавать его ветру. Холод проникал в мысли. Воспоминания о тёплом ветре Ал-Шарана, о запахе хлеба и пряностей, о шуме рынка — они тускнели с каждым часом, будто мороз выжигал их, оставляя только то, что было по-настоящему важным. Куда идти. Как дышать. Как ставить ногу, чтобы не провалиться.

Воздух здесь был другим. Не просто холодным — другим. Сухим, тонким, почти прозрачным, будто из него выжали всё лишнее и оставили только суть. Он не пах ничем. Ни солью, как на море, ни дымом, как в городе, ни хвоей, как в ле-

сах восточного Севера. Он был пуст, как эта земля, и в этой пустоте было что-то чистое, почти пугающее — будто ты дышишь не воздухом, а самой сутью мира, из которой убрали все слова и оставили только молчание.

Вокруг не было ничего. Только снег, скалы, серое небо, висящее так низко, что казалось, будто можно дотянуться рукой и коснуться его. Скалы поднимались из белой равнины чёрными, острыми гребнями — будто кости земли провалили кожу снега и застыли так, голые и безжалостные. Ни деревьев, ни кустарника, ни следов зверя. Земля казалась пустой, мёртвой, навсегда забывшей, что такое зелень и тепло. Но Август знал: пустота эта обманчива. Север не мёртв. Он просто умеет прятать жизнь так, что увидишь её только тогда, когда она захочет, чтобы ты увидел.

Ветер дул постоянно — не порывами, а ровно, неустойчиво, будто дышал. Он не свистел, а гудел, низко и глухо, и этот звук заполнял всё пространство, так что собственные шаги казались тихими, почти неслышными. Ветер нёс с собой крупинки снега — не хлопья, не хлопья, а мелкую, жёсткую крупу, которая била в лицо, как песок, и оседала на плаще, на волосах, на ресницах. Август прищурился, наклонил голову, накинул арафатку плотнее, защищая лицо. Шёл, опустив взгляд к ногам, и думал о том, что этот ветер не стихает. Он не устаёт. Он дует всегда, и в этом постоянстве было что-то древнее, что-то старше людей и их дорог.

К полудню он остановился. Сел на камень, снял рукави-

цу, достал из вещмешка полоску вяленого мяса. Жевал медленно, не чувствуя вкуса — рот был сухим, зубы истёрзаны холодом, и мясо казалось куском кожи. Вода во фляге уже остыла, но ещё не замёрзла. Сделал несколько глотков, и вода была такой холодной, что обожгла горло, будто ледяной комок прокатился внутрь. Вернул флягу на место, надел рукавицу. Сидел ещё минуту, глядя на белую равнину, расстилавшуюся впереди, и на серое небо, которое не обещало ни солнца, ни тепла. Потом поднялся и пошёл дальше.

Он не знал, сколько ещё идти. Не знал, есть ли здесь люди. Но он знал, что должен идти. Пока хватает сил. Пока тело помнит, что такое движение. Пока холод не стал частью его настолько, что перестал ощущаться.

К вечеру он нашёл укрытие — неглубокую расщелину между двумя скалами, защищённую от ветра. Скалы были чёрными, шершавыми, покрытыми тонкой коркой льда, которая хрустела, когда Август касался их рукой. Он натаскал камней, выложил подобие стены, чтобы закрыться от ветра. Нашёл пучок сухой травы, торчащий из-под снега, — жёсткой, пожелтевшей, но сухой, а это было главное. И несколько веток, принесённых ветром, — тонких, кривых, но годных для огня. Огонь разводил долго: руки замерзли, пальцы не слушались, огниво выскальзывало, и искры гасли, не долетев до травы. Он бил снова и снова, и наконец искра поймала, вспыхнула, — и Август наклонился, дул на неё, оберегая, как оберегают новорождённого.

Сухая трава занялась, потом ветки, и когда первый язык пламени лизнул камни, Август почувствовал, как внутри него отпускает — не только холод, но и напряжение, которое он нёс в себе с тех пор, как ступил на этот берег.

Он сидел у костра, завернувшись в плащ, и смотрел на огонь. Пламя было маленьким, слабым, но живым, и оно отбрасывало на стены расщелины тёплые тени, которые двигались, дрожали, будто танцевали. Гитара лежала рядом, в чехле. Он не доставал её. Не хотел, чтобы холод коснулся дерева — не потому что дерево испортится, а потому что звук, рождённый в этом холоде, будет другим, и он не был готов к этому звуку. И ещё не был уверен, что в этой тишине музыка будет уместна. Здесь тишина была не пустотой, а присутствием, и нарушить её — значило бы сказать что-то, что должно быть сказано только тогда, когда придёт время.

Ночь опустилась быстро — не как на юге, где сумерки тянутся долго, плавно, будто нехотя. Здесь темнота пришла резко, как удар, будто кто-то захлопнул дверь. Звёзды высыпали на небо — яркие, колючие, чужие, словно они принадлежали другому небу, не тому, под которым он жил раньше. Они не мигали, а горели ровно, холодно, безжалостно, и их свет падал на снег, делая его фосфорически-белым, почти светящимся. Август лёг на плащ, подложил под голову вещмешок и закрыл глаза. Холод шёл от земли, пробирался сквозь плащ, сквозь одежду, и тело сжималось, пытаясь удержать тепло.

Спал плохо. Просыпался от холода, подкармливал костёр, снова забывался коротким, тревожным сном. Ему снилось море. Не то, что осталось за спиной, а другое — лазурное, тёплое, с белыми стенами на берегу. Он видел Альба-Маре так ясно, будто вернулся туда: чувствовал запах соли, слышал крики чаек, видел солнце, играющее на белых камнях. Но когда хотел войти в город, стены рассыпались в пепел, и он стоял один, на пустом берегу, и ветер нёс пепел в море.

Проснулся до рассвета. Сел, растёр лицо, размял плечи. Холод уже не казался таким пронзительным. Тело привыкало, вспоминая то, что знало давно: как сворачиваться, чтобы держать тепло, как дышать через нос, чтобы не обжигать лёгкие, как двигаться, чтобы кровь не застаивалась. Северу нельзя было противиться — с ним нужно было договариваться.

Он снова пошёл. Снег хрустел под сапогами, ветер гудел между скал, небо было серым и низким. Шёл, не оглядываясь, потому что позади не было ничего, кроме следов, которые ветер заметал за ним, стирая, будто их и не было.

На второй день он увидел следы. Не человеческие — звериные. Широкие, с глубокими отпечатками когтей, которые врезались в наст, как клинья. Август остановился, наклонился, всмотрелся. Медведь. Большой. Прошёл здесь недавно — снег по краям следов ещё не успел заполниться, а вмятины были чёткими, резкими. Он выпрямился, огляделся, и вдруг ощутил, как тихо стало. Ветер не стих, но в его гуле появился

новый звук — низкий, почти неслышный, будто земля под снегом прислушивалась.

Он не стал менять путь. Просто пошёл осторожнее, прислушиваясь к каждому звуку, держа руку ближе к мечу. Но зверь не появился. Только ветер свистел между скал, только снег скрипел под ногами, только небо нависало всё ниже, будто хотело прижать его к земле.

К вечеру третьего дня он вышел к реке. Она была замёрзшей, но лёд казался тонким, с тёмными промоинами у берега, где вода ещё текла, чёрная и тяжёлая, будто расплавленный металл. Август остановился, глядя на воду, которая двигалась под ледяной коркой — медленно, упрямо, не желая сдаваться холоду. Здесь была жизнь. Вода текла, значит, где-то она брала начало — родник, ключ, тёкший из-под земли. А где вода — там могут быть и люди. Люди селятся у воды, потому что вода — это жизнь, даже здесь, даже в этой белой пустоте, где всё остальное мертво.

Он пошёл вдоль реки, держась на расстоянии от берега, где лёд мог быть непрочным. Через несколько часов заметил дым. Тонкий, едва различимый — светлая линия, поднимающаяся из-за холма и растворяющаяся в сером небе, будто нить, связывающая землю с облаками. Август остановился. Сердце стукнуло ровно, без страха, но с тем особым напряжением, которое бывает, когда долго идёшь и наконец видишь цель.

Он не бросился вперёд. Не стал прятаться. Просто стоял

и смотрел, как дым таял в воздухе, и чувствовал, как ветер меняет направление, будто и он заметил этот дым.

Глава 3. Хейм-Верг

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.